

© 1990 г.

В. З. РОГОВИН

Л. Д. ТРОЦКИЙ О СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ В СССР

РОГОВИН Вадим Захарович - доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, руководитель группы в Институте социологии АН СССР, автор пяти монографий, в том числе «Социальная политика КПСС» (1987, в соавторстве). В нашем журнале опубликовал две статьи (1982, № 1 и 1987, № 2, в соавторстве).

Прошло менее года с того времени, когда в Советском Союзе после более чем шестидесятилетнего перерыва стали публиковать выдержки из работ и даже отдельные статьи Л. Д. Троцкого. И еще меньше времени — с момента появления первых исследований, объективно освещавших его взгляды. Однако пока советский читатель получил возможность ознаком-

миться лишь с крупицами идейного наследия этого видного революционера, политического деятеля и теоретика пролетарского движения, боровшегося с социально-политической линией Сталина. Между тем значение этого наследия исключительно велико для определения путей революционного возрождения и обновления социализма в СССР.

Одним из главных теоретических трудов Троцкого является книга «Что такое СССР и куда он идет?» (другое название «Преданная революция»), завершенная в августе 1936 года. Эта работа освещает причины победы сталинизма над ленинской линией в партии, содержит анализ экономической, социальной и политической системы, сложившейся в СССР к середине 30-х годов, раскрывает наиболее существенные противоречия между марксистско-ленинской программой социалистического строительства и политикой сталинского руководства. После выхода этой книги Троцкий уделял меньше внимания разработке марксистско-ленинской теории на опыте развития советского общества, поскольку был вынужден направить свои усилия в основном на разоблачение фальсификаций, связанных с Московскими процессами 1936—1938 гг., и на критику внешнеполитического курса Сталина.

В данной статье основное внимание будет сосредоточено на изложенной в «Преданной революции» (а также в некоторых предшествующих и последующих трудах) социологической концепции Троцкого, анализе в оценке им социальных отношений советского общества 30-х годов.

При реконструкции данной концепции, прежде всего нужно обратить внимание на используемый Троцким понятийный аппарат. Ведущее место в нем занимают следующие понятия: «социальные отношения», «социальная структура», «социальные различия», «социальные слои», «социальные антагонизмы» и т. д. Этот аппарат употребляется для характеристики отношений социального неравенства, проявляющихся, прежде всего, в сферах распределения и потребления и прорывающихся из этих сфер в сферы производства и власти. Анализ доходных, потребительских и имущественных различий, как видно из дальнейшего изложения, служит у Троцкого отправным пунктом для объяснения причин узурпации власти партии и рабочего класса сталинской бюрократией, возникновении и развития антисоциалистических деформаций в экономическом базисе и политической надстройке советского общества.

Основные этапы социального развития советского общества (1917—1936)

Исходя из всей совокупности социологических идей, разработанных левой оппозицией¹ в 20-30-е годы и обобщения политического опыта. Троцкий в «Преданной революции» дает характеристику основных этапов социальной истории советского общества, смена которых определялась изменениями экономической и социальной политики партии.

¹ Под левой оппозицией имеются в виду три последовательно возникавшие группировки в партии: оппозиция 1923 г., «новая» или «ленинградская» оппозиция 1925 г. и образовавшийся путем объединения этих групп оппозиционный блок 1926-1927 гг. После изгнания представителей этих группировок из партии и обрушившихся на них репрессий часть оппозиционеров продолжала отстаивать свои взгляды; их работы распространялись в стране и вплоть до середины 30-х годов публиковались в выходившем за рубежом «Бюллетеене оппозиции»

Экономика и политика в период военного коммунизма [1918—1921].

Поенный коммунизм был системой жесткой регламентации потребления в осажденной крепости. Констатируя этот факт, Троцкий далее отмечает, что но первоначальному замыслу политика военного коммунизма преследовала более широкие цели. «Советское правительство надеялось и стремилось непосредственно развить методы регламентации в систему планового хозяйства, в области распределения, как и в сфере производства. Другими словами: от „военного коммунизма“ оно рассчитывало постепенно, но без нарушения системы, прийти к подлинному коммунизму» [5, с. 48].

«Действительность приходила, однако, во все большее столкновение с программой военного коммунизма: производство неизменно падало, и не только вследствие разрушительного действия войны, но и вследствие угашения стимула личной заинтересованности у производителей. Город требовал у деревни хлеба и сырья, ничего не давая взамен, кроме пестрых бумажек, называвшихся по старой памяти деньгами. Мужик зарывал свои запасы в землю. Правительство посыпало за хлебом вооруженные рабочие отряды. Мужик сокращал посевы» [5, с. 48].

Уже в 20-е годы Троцкому пришлось выступать против фальсификаторов сталинской школы, изображавших создание трудовых армий, милитаризацию труда и прочие меры, вытекавшие, как и продразверстка, из условий той эпохи, как проявление «троцкизма», и заявлявшими, будто Троцкий выступал против введения нэпа [6, с. 127, с. 136]. В этой связи Троцкий ссыпался на неоспоримейшие факты и документы, которые свидетельствовали о том, что он уже в эпоху IX съезда не раз поднимал вопрос о необходимости перехода от продразверстки к продналогу и, в известных пределах, к товарным формам хозяйственного оборота. «Переход к нэпу не только не встретил возражений с моей стороны, но, наоборот, вполне соответствовал всем выводам из моего собственного хозяйственного и административного опыта» [Там же, с. 127].

Уже в 1924 году Троцкий опубликовал представленное им в феврале 1920 года в Центральный Комитет заявление, где содержался пункт о замене разверстки хлебным налогом и введения товарообмена. «Нынешняя политика уравнительной реквизиции но продовольственным нормам, круговой поруки при ссыпке и уравнительного распределения продуктов промышленности направлена на понижение земледелия, на распыление промышленного пролетариата и грозит окончательно подорвать хозяйственную жизнь страны,— говорилось в этом документе,...— продовольственные ресурсы грозят иссякнуть, против чего не может помочь никакое усовершенствование реквизиционного аппарата. Бороться против таких тенденций хозяйственной деградации возможно следующими методами: 1. Заменив изъятие излишков известным процентным отчислением (своего рода подоходный прогрессивный натуральный налог, с таким расчетом, чтобы более крупная запашка или лучшая обработка представляли выгоду» [7, с. 86].

В книге «Моя жизнь» Троцкий писал, что это заявление было продиктовано сложившимися у него зимой 1919—1920 годов, когда он руководил хозяйственной работой на Урале, убеждением, что «методы военного коммунизма, навязывавшиеся нам всей обстановкой гражданской войны, исчерпали себя, и что для подъема хозяйства необходимо во что бы то ни стало ввести элемент личной заинтересованности, т. е. восстановить в той или другой степени внутренний рынок» [8, с. 198].

Предложение Троцкого было отвергнуто в Центральном Комитете одиннадцатью голосами против четырех. «Как показал дальнейший ход вещей, решение ЦК было ошибочно. Я не перенес вопроса на съезд, который прошел полностью под знаком военного коммунизма. Хозяйство еще целый год после этого было в тупике... Между тем рабочая масса проделавшая три года гражданской войны, все менее соглашалась терпеть методы военной команды. Ленин приветствовал наступление критического момента своим безошибочным политическим инстинктом» [Там же, с. 201]. На X съезде РКП (б) Ленин сформулировал первые, очень осторожные тезисы о переходе к новой экономической политике. «Я немедленно к ним присоединился. Для меня они были только возобновлением тех предложений, которые я внес год тому назад» [Там же].

Первые годы нэпа (1921 — 1923). Введение нэпа определялось не только экстремальной ситуацией разрухи в отсталой стране, совершившей пролетарскую революцию, но и причинами более общего характера. Если бы даже пролетарская революция победила в Германии, чего тогда ожидали русские коммунисты, «можно сказать с полной уверенностью, что и в этом счастливом случае от непосредственного государственного распределения продуктов пришлось бы все равно отказаться в пользу методов торгового оборота» [5, с. 49].

Необходимость восстановления рынка Ленин мотивировал наличием в стране миллионов изолированных крестьянских хозяйств, которые иначе, как через торговлю, не привыкли определять свои экономические отношения с внешним миром [Там же]. В дальнейшем опыт первых лет нэпа показал, что и сама промышленность, несмотря на свой обобществленный характер, нуждается в выработанных капитализмом методах денежного расчета [Там же].

Наиболее острая и неотложная задача нэпа состояла в оздоровлении экономических отношений национализированной промышленности с деревней. Эта задача получила в партийной литературе название «смычки». Существо ее состояло в том, что промышленность должна доставлять деревне товары, причем по таким ценам, чтобы государство могло отказаться от принудительного изъятия продуктов крестьянского труда.

Однако уже к 1923 году обнаружилось резкое расхождение между цепями на промышленную и сельскохозяйственную продукцию. Это явление было представлено Троцким в докладе на XII съезде в виде угрожающей диаграммы и было названо им «ножницами» — термином, вошедшим в мировой экономический словарь. Троцкий доказывал на цифрах, что экспроприация помещичьих земель принесла крестьянству свыше 500 млн. руб. золотом в год; однако за товары, производимые государственной промышленностью, крестьяне переплачивали гораздо большую сумму. Если дальнейшее отставание промышленности, говорилось далее в докладе, будет все больше раздвигать ножницы, то разрыв между городом и деревней неизбежен [3, с. 320-322].

Программа левой оппозиции и политика правящей фракции (1923—1927). Решение проблемы «ножниц» требовало ускоренного роста государственной промышленности, для которого нужно было изыскать соответствующие источники накоплений. В этой связи с 1923 года обострились уже ранее наметившиеся в партии разногласия по вопросу о взаимоотношениях между промышленностью и сельским хозяйством. Эти разногласия касались прежде всего вопроса о темпах индустриализации, призванной приблизить период динамического равновесия (эквивалентного обмена) между городом и деревней. Суммируя взгляды левой оппози-

ции, Троцкий в речи на XV конференции ВКП(б) (1927) говорил, что ускорение индустриализации призвано ликвидировать отставание государственной промышленности от народнохозяйственного развития в целом. Это позволит направить на рынок большую товарную массу и тем самым снизить розничные цены, что окажется выгодным как для рабочих, так и для большинства крестьянства [4, с. 505]. В ответ правящая фракция обвинила оппозицию в «сверхиндустриализаторстве».

С этими разногласиями была связана и разная оценка изменений в социальной структуре деревни. Опираясь на статистические данные, оппозиция доказывала, что развитие советской деревни подтверждает марксистское положение, согласно которому мелкое товарное хозяйство неизбежно выделяет из себя эксплуататоров. По мере подъема производительных сил деревни, дифференциация внутри крестьянской массы начала возрастать. Уже весной 1926 года почти 60% товарного хлеба оказалось в руках 6% крестьянских хозяйств [5, с. 52]. Однако дифференциация крестьянства по-прежнему объявлялась правящей фракцией измышлением оппозиции. По указке Сталина было разогнано Центральное статистическое управление, таблицы которого отводили кулаку больше места, чем угодно было власти [Там же, с. 57].

Правительство фактически повернулось лицом к кулаку. Первым признаком этого стала легализация в 1925 году найма рабочей силы в сельском хозяйстве и сдачи земли в аренду. Сельскохозяйственный налог ложился на бедняков несравненно тяжелее, чем на зажиточных, которые к тому же снимали сливки с государственного кредита. Избытки хлеба, имевшиеся главным образом у деревенской верхушки, шли на закабаление бедноты и на спекулятивную продажу мелкобуржуазным элементам города. Бухарин, тогдашний теоретик правящей фракции, бросил по адресу крестьянства свой пресловутый лозунг: «Обогащайтесь!...». На практике это означало обогащение меньшинства за счет подавляющего большинства [5, с. 51].

В этих условиях левая оппозиция настаивала на проведении более гибкой и дифференцированной политики по отношению к разным слоям крестьянства: освобождение от налогов основной части бедноты, снижение налогового бремени, ложащегося на низшие слои середняков и увеличение налогов на зажиточные верхи середняков и, в особенности, на кулаков. Помимо этого, в документах оппозиции обосновывалась необходимость перехода от распыленного крестьянского хозяйства к коллективной обработке земли, причем этот переход мыслился только через ряд последовательных технических, экономических и культурных ступеней [4, с. 513].

Однако выдвинутое оппозицией требование постепенной коллективизации сельского хозяйства и ограничения эксплуататорских стремлений кулачества трактовалось лидерами правящей фракции, прежде всего Сталиным, как политика ограбления деревни и развязывания в ней гражданской войны.

Экономические и социальные последствия политики 1923—1927 гг. Под шум партийной дискуссии крестьянин на недостаток промышленных товаров отвечал все более упорной хлебной стачкой: не вывозил на рынок зерно и не увеличивал посевы. Одновременно с этим лишенное промышленных товаров государство все больше вытеснялось из деревенского оборота. Государственные предприятия в поисках сырья были вынуждены обращаться к частным торговцам. Возникал своего рода порочный круг: государству не хватало зерна для внутренних потребностей,

а тем более для внешней торговли; в свою очередь ничтожные размеры экспорта вынуждали отказываться от импорта промышленных изделий народного потребления и урезали до крайности ввоз машин и сырья, необходимых для промышленности и, следовательно,— для укрепления «смычки» с деревней.

Оказавшись перед лицом непредвиденных экономических трудностей и угрозы голода, не будучи способным целенаправленно изменить свою политику, сталинское руководство уже в начале 1928 года ответило на «кулацкий саботаж» мерами по насильтственному изъятию зерна.

Чрезвычайные меры и переход к насильтственной коллектivизации (1928—1929). Экспроприация запасов зерна, притом не только у кулака, но и у середняка именовалась на официальном языке «чрезвычайными мерами». Это должно было означать, что завтра все вернется в старую колею. Но деревня не верила хорошим словам и была права. Насильственное изъятие хлеба отбивало у зажиточных крестьян охоту к расширению посевов. Батрак и бедняк оказывались без работы. Сельское хозяйство снова попадало в тупик, а с ним вместе государство [Там же, с. 60]. В поисках выхода из этого тупика временные «чрезвычайные меры» непредвиденно развернулись в программу «сплошной коллектivизации» и «ликвидации кулачества как класса».

Троцкий подчеркивает, что, держа в руках власть и промышленность, бюрократия имела возможность регулировать процесс коллектivизации, не доводя страну до грани катастрофы. Для этого надо было осуществлять не сплошную, а постепенную коллектivизацию, в меру создания для нее материальных предпосылок. Однако организованные в спешном и насильтственном порядке колхозы строились на инвентаре, пригодном в основном только для парцельного хозяйства. «В этих условиях преувеличенно быстрая коллектivизация принимала характер экономической авантюры» [Там же, с. 62].

Сталинское руководство не успело и не сумело провести даже элементарную политическую подготовку нового курса. Не только крестьянские массы, но и местные органы власти не знали, чего от них требуют. Крестьянство было накалено до бела слухами о том, что скот и имущество отбираются «в казну». Слух этот оказался не так уж далек от действительности. Осуществлялась на деле та самая карикатура, которую в свое время рисовали на левую оппозицию: бюрократия «грабила деревню» [Там же].

Ликвидация нэпа (1930—1933). В разгар экономическою авантюризма Сталин обещал отправить нэп, т. е. рыночные отношения, «к черту». Вся пресса писала, точно в 1918 году, об окончательной замене купли-продажи «непосредственным социалистическим распределением, внешним знаком которого объявлялась продовольственная карточка» [Там же, с. 90].

Отказ от чрезвычайщины (1934—1936). Оказавшись перед лицом экономической катастрофы и возрождения атмосферы, казалось бы, уже давно законченной гражданской войны, сталинское руководство осуществило в середине 30-х годов новый поворот — на этот раз от военно-коммунистических методов решения хозяйственных вопросов к известному восстановлению экономических методов руководства хозяйством.

После нескольких лет фактического игнорирования была признана теоретически и в известной мере практически роль хозрасчета, товарно-денежных отношений и материальной заинтересованности. «Спецеедство» сменилось укреплением позиций руководителей производства и инженер-

но-технических работников. Особенно значительные перемены произошли в деревенской политике. «Чтоб поднять крупное коллективное землемерие, пришлось снова заговорить с крестьянином на понятном ему языке, т. е. от натурального налога вернуться к торговле и восстановить базары, словом истребовать обратно от сатаны преждевременно сданный в его распоряжение нэп» [Там же, с. 94]. Все это обусловило сдвиги в экономике в сторону большей сбалансированности и подъема.

Именно этот кратковременный период «мирного» развития сталинизма (до начала новой волны массовых репрессий) служит объектом анализа в книге Троцкого. Основной вопрос, который он исследует применительно к области социальных отношений, резюмируется им следующим образом: как и почему экономические успехи последнего периода «вели не к смягчению, а, наоборот, к обострению неравенства, и вместе с тем к дальнейшему росту бюрократизма, который ныне из „извращения“ превратился в систему управления?» [Там же, с. 81].

Таким образом, утверждение господства бюрократии Троцкий выводит из анализа социальных отношений советского общества, обобщенную характеристику которого он резюмирует так: «По условиям повседневной жизни советское общество уже сейчас делится на обеспеченное и привилегированное меньшинство и прозябающее в нужде большинство, причем на крайних полюсах неравенство принимает характер вопиющих контрастов» [Там же, с. 130].

Социальные контрасты сталинизма

Троцкий неоднократно подчеркивает, что научный анализ социальных отношений советского общества 30-х годов чрезвычайно затруднен в силу сокрытия сталинским руководством данных социальной статистики. Для теоретической реконструкции этих отношений он пользуется косвенными свидетельствами как единственно доступными источниками: заявлениями Сталина и его наиболее видных сторонников, скучными статистическими данными и сообщениями об отдельных социальных фактах, просачивающимися на страницы советской печати.

Тем не менее использование даже одних этих источников позволяет Троцкому воссоздать целостную картину различий в доходах и потреблении, которые он прослеживает в нескольких теоретических срезах. Первый такой срез: социальные различия и противоположности, неравенство, обнаруживающееся в основных сферах жизни советского общества². Речь идет о различиях в обеспечении привилегированного меньшинства и абсолютного большинства населения продуктами питания, промышленными товарами, жилищами и транспортными услугами.

Второй срез анализа социальной дифференциации связан с характеристикой того, как обстоит в СССР дело с традиционными социальными различиями, которым всегда уделялось первостепенное внимание в марксистской литературе,— различиями между городом и деревней, умственным и физическим трудом. Отмечая, что советская официальная пропаганда по этому поводу ограничивается академическим указанием на пережитки старого неравенства, Троцкий пишет: «На самом деле, все выносящие «пережитки» совершенно недостаточны для объяснения советской действительности. Если различия между городом и деревней за времена

² Современный читатель легко определит, какие из описанных Троцким социальных различий отражают специфические реалии общества 30-х годов, а какие характеризуют и последующие этапы сталинизма и постсталинизма.

пятилеток в одних отношениях смягчились, то в других значительно и углубились, благодаря исключительно быстрому росту городов и городской культуры, т. е. комфорта для городского меньшинства» [Там же, с. 242].

Противоположность между городом и деревней является основной социальной противоположностью советского общества [Там же, с. 145]. Точно также социальное расстояние между физическим и умственным трудом за последние годы первых пятилеток не сократилось, а расширилось, несмотря на пополнение научных кадров выходцами из советских низов.

Третий срез анализа социальной дифференциации в советском обществе связан с характеристикой внутриклассовых различий. В этой связи Троцкий освещает различия по уровню и образу жизни внутри рабочего класса и колхозного крестьянства.

Социальное расслоение рабочею класса Троцкий рассматривает на примере стахановского движения. За несколько первых месяцев этого движения успел выдвинуться целый слой рабочих, которых называют «тысячниками», т. к. их заработка превышает тысячу рублей в месяц. Есть и такие, которые зарабатывают даже свыше двух тысяч рублей, тогда как рабочие низших категорий получают нередко в месяц меньше 100 рублей. Что же касается особо удачливых специалистов, то их жалованьем можно во многих случаях оплатить работу 80—100 чернорабочих. «По размаху неравенства в оплате труда СССР не только догнал, но и далеко перегнал капиталистические страны» [Там же, с. 138]. В результате реальная заработка рабочих стахановцев превосходит нередко в 20—30 раз заработка рабочих низших категорий.

Не менее острые социальные противоречия обнаруживаются в колхозной деревне. Борьба между крестьянством и государством после завершения коллективизации далеко не прекратилась. «Нынешняя, еще крайне неустойчивая организация сельского хозяйства представляет не что иное, как временный компромисс борющихся лагерей, после грозного взрыва гражданской войны» [Там же, с. 141]. Этот компромисс выражается прежде всего в том, что государство вынужденно допустило возрождение индивидуальных крестьянских хозяйств на приусадебных карликовых участках, со своими коровами, свиньями, овцами, домашней птицей и т. д. В ответ «крестьянин соглашается мирно, хотя пока и без большого усердия, работать в колхозах, которые дают ему возможность выполнить свои обязательства по отношению к государству и получить кое-что в собственное распоряжение» [Там же, с. 142].

При всем этом колхозное крестьянство отнюдь не представляет социально недифференциированную массу. Напротив, происходит углубление социальной дифференциации деревни, несмотря на новую структуру имущественных отношений. При этом градации доходов лишь отчасти определяются умением и приложением в работе. Противоречия между колхозами и внутри колхозов возникают главным образом благодаря дифференциальной ренте. Как колхозы, так и личные хозяйства крестьян поставлены по необходимости в чрезвычайно неравные условия, в зависимости от климата, почвы, рода культуры, а также от расположения по отношению к городам и промышленности.

Не менее могущественным орудием социальной дифференциации является неограниченная власть бюрократии, в руках которой находятся такие рычаги, как заработка плата, цены, налоги, бюджет и кредит. Совершенно непомерные прибыли ряда хлопковых колхозов в республи-

ках Средней Азии гораздо в большей степени зависят от устанавливающего правительством соотношения цен, чем от работы самих колхозников. В сельском хозяйстве, как и в промышленности, государственная власть не ограничивается одними репрессиями (в данном случае имеются в виду драконовские законы для охраны колхозного достояния от расхищения со стороны колхозников). Бюрократия ищет поддержки и дружбы крепких, преуспевающих «стахановцев полей» и колхозов-миллионеров. «Начиная с забот о развитии производительных сил, она кончает неизменно заботами о себе. Именно в сельском хозяйстве, где потребление так непосредственно связано с производством, коллективизация открыла грандиозные возможности для паразитизма бюрократии и вместе с тем для ее сплетения с колхозными верхами. Почетные «подарки», которые колхозники доставляют «вождям» на торжественные заседания в Кремле представляют только символическое выражение той несимволической дани, которую они вносят в пользу местных представителей власти» [Там же, с. 146].

Причины сохранения и усиления социального неравенства в советском обществе

Как подчеркивает Троцкий, «повышение материального и культурного уровня должно бы, на первый взгляд, уменьшать необходимость привилегий, сужать область применения буржуазного права и тем самым вырывать почву из-под ног его охранительницы, бюрократии. На самом же деле произошло обратное: рост производительных сил сопровождался до сих пор крайним развитием всех видов неравенства, привилегий и преимуществ, а вместе с тем и бюрократизма» [Там же, с. 126].

Неоднократно подчеркивая, что бюрократизм и социальная гармония обратно пропорциональны друг другу, Троцкий выдвигает «такую примерно социологическую теорему: сила применяемого массами в рабочем государстве принуждения прямо пропорциональна силе эксплуататорских тенденций или опасности реставрации капитализма и обратно пропорциональна силе общественной солидарности и всеобщей преданности новому режиму» [Там же, с. 121].

В поисках ответа на два коренных вопроса — о росте социального неравенства в СССР и производном от нее росте бюрократизма — Троцкий обращается к фрагментам из трудов Маркса, Энгельса и Ленина. Первый фрагмент, принадлежащий молодому Марксу, Троцкий дает в следующем переводе: «...развитие производительных сил является абсолютно необходимой практической предпосылкой (коммунизма) еще потому, что без него обобщается нужда, и с нуждой должна снова начаться борьба за необходимые предметы и, значит, должна воскреснуть вся старая дребедень» [Там же, с. 78]³.

Эта гениальная догадка молодого Маркса проливает свет на то, почему одно лишь обобществление средств производства в такой экономически отсталой стране, как СССР» не устранило и не могло устранить социальные противоречия и конфликты.

При рассмотрении вопроса о возможности полной победы социализма в СССР левая оппозиция всегда подчеркивала, что нельзя ограничиваться общественно-юридическими формами отношений, причем незрелыми,

³ В собр. соч. К. Маркса и Ф. Энгельса данная цитата дана в несколько другом переводе (см. [1, с. 33]).

противоречивыми, в земледелии еще весьма неустойчивыми, отвлекаясь от основного критерия: уровня производительных сил. Именно в силу слабой развитости материально-технической базы производства и обусловленного этим низкого уровня производительности труда «нынешний переходный строй еще полон социальных противоречий, которые в области потребления — наиболее близкой и чувствительной для всех — имеют страшно напряженный характер и всегда угрожают прорваться отсюда в область производства» [Там же, с. 125].

Второй отправной пункт для анализа причин утверждения господства бюрократии Троцкий находит в следующем положении Энгельса: «Когда исчезнут вместе с классовым господством, вместе с борьбой за отдельное существование, порождаемой теперешней анархией в производстве, те столкновения и эксцессы, которые проис текают из этой борьбы,— с этого времени нечего будет подавлять, не будет и надобности в особой силе подавления, в государстве» [2, с. 292]. Троцкий обращает внимание на то, что Энгельс называет два условия ликвидации государства: исчезновение классового господства и борьбы за отдельное существование. «Гвоздь вопроса» Троцкий видит в том, что обобществление средств производства, ликвидируя классовое государство, «еще не снимает автоматически борьбу за отдельное существование» [5, с. 75]. Эта борьба в условиях резкой нехватки в обществе предметов потребления перерастает в борьбу всех против всех, которая становится основой «бюрократического командования».

Третий отправной пункт анализа причин социального и политического перерождения советского общества Троцкий находит в освещении Лениным проблем государства переходного периода и охраняемых им норм «буржуазного права». Начиная с 1917 года, т. е. с того времени, когда завоевание власти стало перед партией как практическая проблема, Ленин был постоянно занят мыслью о ликвидации «паразита» —чиновничества, обособившегося от народа и вставшего над ним. Вместе с тем Ленин признавал необходимость сохранения на протяжении длительного периода «буржуазного права», защищаемого силой советского государства. «Поскольку государство, которое ставит себе задачей социалистическое преобразование общества,— комментирует соответствующие ленинские положения Троцкий,— вынуждено методами принуждения отставать неравенство, т. е. материальные преимущества меньшинства, постольку оно все еще остается, до известной степени „буржуазным“ государством, хотя и без буржуазии. В этих словах нет ни похвалы, ни порицания; они просто называют вещи своими именами» [Там же, с. 76]. Перовую причину того, почему экономический рост усиливал в Советском Союзе не социалистические, а буржуазные черты государства, Троцкий видит в том, что «нынешнее состояние производства еще очень далеко от того, чтобы обеспечить всех всем необходимым. Но оно уже достаточно, чтобы дать значительные привилегии меньшинству и превратить неравенство в кнут для подстегивания большинства» [Там же, с. 126].

Троцкий отмечает, что Ленин ни в своем главном труде, посвященном проблемам государства в переходный период от капитализма к социализму («Государство и революция»), ни во второй программе партии не успел сделать из отсталости и изолированности страны все необходимые выводы в отношении характера государства с «бюрократическим извращением».

Действительно, первоначальная попытка создать государство, очищен-

ное от бюрократических извращений, натолкнулось прежде всего на непривычку масс к самоуправлению, недостаток преданных социализму квалифицированных работников и т. п. Однако очень скоро за этими непосредственными трудностями обнаружились другие, более глубокие, которые не были учтены во второй программе партии. «Сведение государства к функциям „учета и контроля”, при постоянном сужении функции принуждения, как требует программа, предполагает наличие хотя бы относительного всеобщего довольства. Именно этого необходимого условия не хватало» [Там же, с. 81].

Таким образом, к экономическому фактору, диктующему в условиях крайней бедности общества капиталистические методы оплаты труда, прибавился политический фактор в лице самой бюрократии.

Опасность усиления государственного и, в особенности, партийного аппаратного бюрократизма была со всей остротой осознана Лениным в 1922—1923 гг. Однако болезнь Ленина не дала окончательно оформиться блоку «Ленин—Троцкий», сложившемуся в конце 1922 года и предполагавшему открытую «борьбу не только против государственного бюрократизма, но и против Оргбюро ЦК», составлявшего «самое средоточие сталинского аппарата» [8, с. 216]. Вопрос о том, в силу каких субъективных факторов начатая этим блоком и затем продолженная левой оппозицией борьба против бюрократизма, переросшего в режим тоталитарной диктатуры, потерпела поражение, был подробно рассмотрен Троцким в многочисленных работах 1929—1935 гг. В этих же работах был дан тщательный анализ соотношения между господством бюрократии и режимом личной власти Сталина. Что же касается книги. «Что такое СССР и куда он идет?», то здесь Троцкий сконцентрировал основное внимание на социально-классоной природе общества и государства победившего сталинизма.

«При наивысшем напряжении фантазии,— пишет Троцкий,— трудно представить себе контраст, более разительный, чем тот, какой существует между "схемой рабочего государства по Марксу—Энгельсу—Ленину и тем реальным государством, какое ныне возглавляется Сталиным» [5, с. 74]. Разжалованная и поруганная бюрократия не только не исчезла, уступив свое место массам, но превратилась в бесконтрольную силу, властивую над массами, стала из слуги общества его господином. «На этом пути она достигла такой социальной и моральной отчужденности от народных масс, что не может уже допустить никакого контроля ни над своими действиями, ни над своими доходами» [Там же, с. 127].

Властвование превратилось в специальность «определенной социальной группировки, которая стремится с тем большим нетерпением разрешить свой собственный „социальный вопрос”, чем более высокого мнения она о своей миссии» [Там же, с. 117]. «У нового правящего слоя скоро оказались свои идеи, свои чувства и, что еще важнее, свои интересы» [Там же, с. 110]. При этом за последние 15 лет (1921—1931) власть сумела изменить свой социальный состав еще глубже, чем свои идеи. «Так как из всех слоев советского общества бюрократия наилучше разрешила свой собственный социальный вопрос и вполне довольна тем, что есть, то она перестает давать какие бы то ни было субъективные гарантии социалистического направления своей политики» [Там же, с. 256].

Порожденная указанными выше экономическими и политическими причинами неустойчивая расстановка социальных сил, обладающих противоположными интересами, несет в себе предпосылки новой социальной борьбы.

Социальная структура советского общества и место в ней бюрократии и других привилегированных слоев

Для того, чтобы отчетливо представить взгляды Троцкого на сложившуюся в СССР структуру социальных отношений, важно обратить внимание на его критику софизмов сталинской доктрины, основанной на грубом извращении марксистской теории в целях маскировки истинного положения вещей. Нагромождение этих софизмов Троцкий объясняет тем, что бюрократия страшится обнажения реальной природы социальных отношений.

Основным софизмом сталинской идеологии Троцкий считает отождествление государственной собственности со всенародным достоянием.

Тезис о равном отношении всех трудящихся к огосударствленным средствам производства имеет целью отодвинуть на второй план и представить несущественными реальные имущественные различия, отодвинуть на задний план не только отношения потребления, но и отношения распределения ссылкой на то, что распределение благ есть фактор второго порядка по отношению к их производству.

Останавливаясь на другом софизме сталинской пропаганды: «рабочий в нашей стране не является наемным рабом, не является продавцом товара — рабочей силы. Это — свободный труженик», Троцкий пишет: <Для настоящего времени эта патетическая формула представляет собою недопустимое хвастовство. Передача заводов в руки государства изменила положение рабочего лишь юридически; на деле он оказался вынужден жить в нужде, работая определенное число часов за определенную плату». Апологетическая формула маскирует отношения неравенства в условиях уже не только распределения, но и производства. Эти отношения определяются тем, что «новое государство стало прибегать к старым методам нажима на мускулы и нервы трудящихся. Вырос корпус погонял. Управление промышленностью получило архибюрократический характер. Рабочие утратили какое бы то ни было влияние на руководство заводом. При сдельной оплате труда, тяжких условиях материального существования, отсутствии свободы передвижения, при ужасающей полицейщине, проникающей в жизнь каждого завода, рабочему трудно чувствовать себя „свободным тружеником“». В чиновнике он видит начальника, в государстве — хозяина. Свободный труд несовместим с существованием бюрократического государства» [Там же, с. 246].

С необходимыми изменениями сказанное относится и к деревне. Подлинная природа социальных отношений обнаруживается в характере труда и во всем образе жизни, равно как и во взаимоотношениях трудящихся и их коллективов с государством. Если руководствоваться этими критериями, то нетрудно увидеть, что «колхозы успели пока преобразовать лишь юридические формы экономических отношений деревни... но оставили почти без перемен старую избу, огород, уход за скотом, весь ритм тяжелого мужицкого труда, в значительной мере и старое отношение к государству, которое не служит, правда, больше помещикам и буржуазии, но забирает у деревни слишком много в пользу городов и содержит слишком много прожорливых чиновников» [Там же, с. 246—247]. Рассматривая далее официальный тезис об отсутствии в СССР эксплуатации, Троцкий показывает, что он также маскирует реальные социальные отношения: на самом деле эксплуатация сохраняется не только в косвенной, но и в прямой форме.

Наряду с разоблачением софизмов официальной идеологии, Троцкий

обращает внимание и на такие высказывания Сталина и его сторонников, которые против желания их авторов обнажают социальные противоречия советского общества. «Пресловутый лозунг „Кадры решают все“ гораздо откровеннее, чем хотел бы сам Сталин, характеризует природу советского общества. По самой сути своей кадры являются органом властоведения и командования. Культ „кадров“ означает прежде всего культ бюрократии, администрации, технической аристократии. Но так как советские кадры выступают под социалистическим знаменем, то они требуют почти божеских почестей и все более высокого жалованья. Выделение „социалистических“ кадров сопровождается, таким образом, возрождением буржуазного неравенства» [Там же, с. 243].

Сокрытию этого неравенства служит советская статистика, лишающая трудящихся достоверной информации о характере, масштабе и формах доходных и имущественных различий. «Казалось бы, в рабочем государстве данные о реальной заработной плате должны бы особенно тщательно изучаться; да и вся вообще статистика доходов, по категориям населения, должна бы отличаться полной прозрачностью и общедоступностью. На самом деле как раз область, затрагивающая наиболее жизненные интересы трудящихся, окутана непроницаемым покровом. Бюджет рабочей семьи в Советском Союзе, как это ни невероятно, представляет для исследования несравненно более загадочную величину, чем в любой капиталистической стране» [Там же, с. 136].

Особенно закрыто для внешнего взгляда социальное бытие бюрократии. Представить советскую бюрократию в точных цифрах крайне сложно по причинам двойного порядка: «во-первых, в стране, где государство — почти единственный хозяин, трудно сказать, где кончается административный аппарат; во-вторых, в интересующем нас вопросе советские статистики, экономисты и публицисты хранят... особенно сосредоточенное молчание» [Там же, с. 147].

Тем не менее Троцкий посвящает специальную главу своей книги характеристике численности и структуры советской бюрократии, опираясь при этом, как и в других случаях, исключительно на скучные данные официальной статистики и некоторые сообщения, просачивающиеся в советскую печать.

Троцкий приходит к выводу, что «весь тот слой, который не занимается производительным трудом, а управляет, приказывает, командует, микует и карает,... должен быть исчислен в 5—6 миллионов душ» [Там же, с. 149].

Если трудно исчислить саму бюрократию, то еще труднее определить ее доходы. Уже в 1927 году оппозиция, имевшая тогда возможность достаточно полно пользоваться статистическими данными, протестовала против того, что «разбухший и привилегированный управленческий аппарат проедает очень значительную часть прибавочной стоимости». В оппозиционной платформе было подсчитано, что один лишь торговый аппарат съедает громадную долю народного дохода; более одной десятой валовой продукции [9, с. 225]. «После того власть приняла необходимые меры, чтобы сделать такие подсчеты невозможными. Но именно поэтому накладные расходы не сократились, а возросли» [5, с. 152].

Не лучше, чем в сфере торговли, обстоит дело и в других областях. Троцкий ссылается на письмо Х. Г. Раковского 1930 года, где указывалось, что нужна была мимолетная ссора между партийными и профессиональными бюрократами, чтобы население узнало из печати, что из бюджета профсоюзов, в 400 миллионов рублей, 80 миллионов уходило на

содержание персонала. К этому Троцкий добавляет, что эти данные характеризуют только легальный бюджет профсоюзной бюрократии, помимо которых она получает, в знак дружбы, от бюрократии промышленной крупные «даяния деньгами, квартирами, средствами транспорта и проч.» [Там же, с. 152].

Легальные доходы бюрократии умножаются в результате злоупотреблений, в том числе денежных, которые неминуемо влекут за собой ее бесконтрольность.

Исчислить, какую долю народного дохода присваивает себе бюрократия, чрезвычайно сложно не только потому, что она тщательно скрывает свои легализованные доходы и даже не только потому, что оставаясь на самой границе злоупотреблений и часто переходя эту границу, она широко пользуется непредусмотренными доходами. Крайне важно учитывать и то обстоятельство, что весь прогресс общественного благоустройства, городской техники, комфорта, культуры, искусства, служит пока что главным образом, если не исключительно, верхнему, привилегированному слою [Там же, с. 152-153].

Советская бюрократия несравненно менее однородна, чем пролетариат и крестьянство. Однако все слои бюрократии объединяются тем что их судьба совершенно не зависит от воли так называемых «избирателей», и в то же время абсолютно зависит от высших звеньев административной иерархии.

К привилегированным слоям советского общества Троцкий относит, наряду с бюрократией, рабочую и колхозную аристократию, численность которой он оценивает примерно такой же цифрой, что и численность бюрократии - 5-6 млн. человек «С семьями оба взаимопроникающие друг друга слоя составят до 20-25 миллионов» [Там же с 1501

Именно эти слои монопольно используют старые и новые завоевания цивилизации. Формально соответствующие блага открыты всему населению по крайней мере, городскому. На деле же большинство населения имеет доступ к ним лишь в виде исключения. Наоборот, бюрократия располагает ими по правилу, когда хочет и сколько, хочет тщно предметами своего личного обихода.

Перспективы социального развития советского общества

С вопросом о социальной природе советской бюрократии тесно связан решающий вопрос о перспективах советского общества «на кого опирается нынешняя советская власть и в какой мере обеспечен социалистический характер ее политики?» [Там же, с.255]. Троцкий решительно отвергает представление «советской бюрократии как классе «государственных капиталистов». «У бюрократии нет ни акций, ни облигаций. Она вербуется, пополняется, обновляется в порядке административной иерархии, вне зависимости от каких-либо особых, ей присущих отношений собственности. Своих прав на эксплуатацию государственного аппарата отдельный чиновник не может передать по наследству. Бюрократия пользуется привилегиями в порядке злоупотребления. Она скрывает свои доходы. Она делает вид, будто в качестве особой социальной группы она вообще не существует. Приобретение ею огромной части народного дохода имеет характер социального паразитизма. Все это делает положение командующего советского слоя в высшей степени противоречивым, двусмысленным и недостойным, несмотря на полноту власти и дымовую завесу лести" [Там же, с.254]. Противо-

речивость и двусмысленность социального положения бюрократии определяется прежде всего тем, что она еще не создала для своего господства социальной опоры, в виде особых форм собственности. Она вынуждена охранять и защищать государственную собственность не только потому, что последняя выступает источником ее власти и ее доходов, но и потому, что она страшится пролетариата. Экспроприировав пролетариат политически, т. е. лишив его власти, бюрократия своими методами охраняет его социальные завоевания — национализированную собственность и плановое хозяйство. «Этой стороной своей деятельности она все еще остается орудием диктатуры пролетариата» [Там же].

Как сознательная политическая сила, бюрократия изменила революции. «Но победоносная революция есть, к счастью, не только программа и знамя, не только политические учреждения, но и система социальных отношений. Мало изменить ей — ее надо еще и опрокинуть. Октябрьская революция предана правящим слоем, но она еще не опрокинута». Она располагает большой силой сопротивления, которая совпадает прежде всего с установленными отношениями собственности, с живой силой пролетариата, с сознанием его лучших элементов [Там же, с. 256].

Исходя из анализа реальной диалектики отношений собственности и узурпаторской природы правящей бюрократии, паразитирующей на этих отношениях, Троцкий переходит к характеристике существующего в СССР общественного строя. Называя этот строй переходным и промежуточным, он подчеркивает, во-первых, что это определение отвергает законченные социальные категории: как капитализм (в том числе и «государственный капитализм»), так и социализм; во-вторых, оно само по себе совершенно недостаточно и требует дальнейшего развертывания. Ограничиться таким определением — значит «вызывать ошибочное представление, будто от нынешнего советского режима возможен переход только к социализму. На самом деле вполне возможен и откат к капитализму» [Там же, с. 259]. Эта альтернативность развития советского общества определяется тем, что «изнутри советского режима вырастают две противоположные тенденции. Поскольку он... развивает производительные силы, он подготовляет экономический фундамент социализма. Поскольку, в угоду высшим слоям, он доводит до все более крайнего выражения буржуазные нормы распределения, он готовит капиталистическую реставрацию. Противоречие между формами собственности и нормами распределения не может нарастать без конца. Либо буржуазные нормы должны будут, в том или ином виде, распространиться и на средства производства, либо, наоборот, нормы распределения должны будут прийти в соответствие с социалистической собственностью» [Там же, с. 248]. В зависимости от того, в каком направлении будут эволюционировать различия в условиях существования, разрешится в конце концов и вопрос об окончательной судьбе государственных средств производства.

Разрешение этого противоречия в ту или иную сторону необходимым образом зависит от изменений в политической надстройке, поскольку «имущественные отношения, вышедшие из социалистической революции, неразрывно связаны с новым государством, как их носителем... Характер хозяйства целиком зависит, таким образом, от характера государственной власти» [Там же, с. 255].

Исходя из этих теоретико-методологических предпосылок, Троцкий рассматривает несколько возможных вариантов эволюционного или революционного (либо контрреволюционного) изменения природы государст-

венной власти и соответственно экономических отношений и всего общественного строя в СССР. При прогностическом анализе «контрреволюционного» варианта он описывает формы и этапы возможной капиталистической реставрации в советском обществе. «Крушение советского режима неминуемо привело бы к крушению планового хозяйства и, тем самым, к упразднению государственной собственности. Принудительная связь между трестами и заводами внутри трестов распалась бы. Наиболее преуспевающие предприятия поспешили бы выйти на самостоятельную дорогу. Они могли бы превратиться в акционерные компании или найти другую переходную форму собственности, напр., с участием рабочих в прибылях. Одновременно и еще легче распались бы колхозы. Падение нынешней бюрократической диктатуры, без замены ее новой социалистической властью, означало бы, таким образом, возврат к капиталистическим отношениям, при катастрофическом упадке хозяйства и культуры» [Там же, с. 255].

Более подробно этот вариант прогноза рассматривается Троцким в главе «Вопрос о характере СССР еще не решен историей». Здесь он дает описание нескольких гипотетических вариантов будущего, необходимое для того, чтобы лучше понять характер нынешнего СССР. Один из этих вариантов предполагает, что правящая советская каста будет низвергнута буржуазной партией. Эта партия «нашла бы немало готовых слуг среди нынешних бюрократов, администраторов, техников, директоров, партийных секретарей, вообще привилегированных верхов... Главной задачей новой власти было бы, однако., восстановление частной собственности на средства производства. Прежде всего потребовалось бы создание условий для выделения из слабых колхозов крепких фермеров и для превращения сильных колхозов в производственные кооперативы буржуазного типа, в сельскохозяйственные акционерные кампании. В области промышленности — денационализация началась бы с предприятий легкой промышленности. Плановое начало превратилось бы на переходный период в серию компромиссов между государственной властью и отдельными „корпорациями“, т. е. потенциальными собственниками из советских капитанов промышленности,... эмигрантов и иностранных капиталистов. Несмотря на то, что советская бюрократия многое подготовила для буржуазной реставрации, в области форм собственности и методов хозяйства новый режим должен был бы произвести не реформу, а социальный переворот» [Там же, с. 257—258].

Второй прогностический вариант развития советского общества предполагает, что контрреволюционная партия не овладевает властью, а бюрократия по-прежнему остается во главе государства. «Социальные отношения и при этом условии не застынут. Никак нельзя рассчитывать и на то, что бюрократия мирно и добровольно откажется от самой себя в пользу социалистического равенства. Если сейчас, несмотря на слишком очевидные неудобства подобной операции, она сочла возможным ввести чины и ордена, то на дальнейшей стадии она должна будет неминуемо искать для себя опоры в имущественных отношениях. Можно возразить, что крупному бюрократу безразлично, каковы господствующие формы собственности, лишь бы они обеспечивали ему необходимый доход. Рассуждение это игнорирует не только неустойчивость прав бюрократа, но и вопрос о судьбе потомства. Нынешний культ семьи не свалился с неба. Привилегии имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завещания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть

пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение ее в новый имущий класс» [Там же, с. 258]. Данный вариант возвращает нас, таким образом, к предыдущему.

Но существует еще третий возможный вариант развития СССР, предполагающий, что «советская бюрократия низвергнута революционной партией, которая имеет все качества старого большевизма и в то же время обогащена мировым опытом последнего периода. Такого рода партия начала бы с восстановления демократии профессиональных союзов и советов... Вместе с массами и во главе их она произвела бы беспощадную чистку государственного аппарата, причем в данном случае революционной партии пришлось бы, пожалуй, вычистить больше чиновников, чем в случае победы буржуазной реставрации. Эта партия «уничтожила бы чины и ордена, всякие вообще привилегии и ограничила бы неравенство в оплате труда жизненно необходимыми потребностями хозяйства и государственного аппарата... Она внесла бы глубокие изменения в распределение народного дохода в соответствии с интересами и волей рабочих и крестьянских масс. Но поскольку дело касается отношений собственности, новой власти не пришлось бы прибегать к революционным мерам. Она продолжала и развила бы дальше опыт планового хозяйства» [Там же, с. 257]. В отличие от двух предшествующих вариантов, данный вариант развития советского общества предполагает совершение не социального переворота (коренного изменения отношений собственности), а политической революции (изложения бюрократии). Такая революция открыла бы возможности для мирного проведения ряда важнейших реформ в экономике, не сопровождающихся социальными потрясениями.

Исходя из всего предшествующего анализа существующих социальных отношений и из трех рассмотренных возможных вариантов будущего развития, Троцкий дает развернутое определение социальной природы советского общества 30-х годов, которое, как он отмечает, по необходимости носит «сложный и тяжеловесный характер». «СССР представляет промежуточное между капитализмом и социализмом противоречивое общество, в котором: а) производительные силы еще далеко недостаточны, чтобы придать государственной собственности социалистический характер; б) порождаемая нуждою тяга к первоначальному накоплению прорывается через бесчисленные поры планового хозяйства; в) нормы распределения, сохраняющие буржуазный характер, лежат в основе новой дифференциации общества; г) экономический рост, медленно улучшая положение трудящихся, способствует быстрому формированию привилегированного слоя; д) эксплуатируя социальные антагонизмы, бюрократия превратилась в бесконтрольную и чуждую социализму касту; е) преданный правящей партией социальный переворот живет еще в отношениях собственности и в сознании трудящихся; ж) дальнейшее развитие накопившихся противоречий может как привести к социализму, так и отбросить назад, к капитализму. (Из всей логики рассуждений Троцкого следует, что такое „отбрасывание“ приведет, пользуясь его терминологией, не к передовому, а к „отсталому капитализму“ — В. Р.); з) на пути к капитализму контрреволюция должна была бы сломить сопротивление рабочих; и) на пути к социализму рабочие должны были бы низвергнуть бюрократию. В последнем счете вопрос решится борьбой живых социальных сил как на национальной, так и на мировой арене» [Там же, с. 259-260].

Нетрудно убедиться, что Троцкий наиболее вероятным вариантом раз-

вития СССР не только в 1936 году, но и вплоть до своей смерти считал победу советского пролетариата над бюрократией, обеспечивающую социалистическое возрождение СССР. Не менее очевидно и то, что этот прогноз Троцкого, равно как и его прогноз о победе социалистической революции в Европе и создании Социалистических «Соединенных Штатов Европы» не осуществились. Значит ли это, что Троцкий переоценивал объективные революционные возможности русского и европейского пролетариата? На наш взгляд, при оценке судьбы этих прогнозов речь должна идти в первую очередь о другом. Уже в начале 20-х годов на основе анализа опыта победоносной пролетарской революции в России и поражений пролетарских революций в Германии и других странах Европы и Азии, Троцкий пришел к выводу, что условием победы революции в любой стране является не только существование объективной революционной ситуации, но и два важнейших субъективных фактора: революционный потенциал масс и наличие партии ленинского тина, возглавляемой такого рода вождями, какие были в 1917 году у большевиков. В конце же 30-х годов Троцкий, более чем кто-либо другой представлявший зловещий облик Сталина и сталинизма, не был в состоянии однако, осознать во всей полноте тот ущерб, который сталинизм нанес революционным силам в СССР и всему мировому коммунистическому движению. Вплоть до последних дней Троцкий, лишенный возможности информации, не имел достаточного представления о масштабах сталинского террора, уничтожившего не только практически всю старую партийную гвардию в СССР и основную часть руководства многих других коммунистических партий, но и сотни тысяч рядовых советских и зарубежных коммунистов, миллионы лучших представителей беспартийной интеллигенции, рабочего класса и колхозного крестьянства. В свою очередь Сталин, тщательно изучавший все работы, публикуемые Троцким в изгнании, отвечал на его разоблачения и лозунги единственным образом: расширением размаха репрессий прежде всего против действительных и потенциальных сторонников Троцкого как в СССР, так и в зарубежных коммунистических партиях.

Тем не менее Троцкий не переставал возлагать надежды на советский рабочий класс, в котором он видел главную силу способную разрушить «бюрократическую твердыню сталинской касты»

Исторической миссией советского рабочего класса является социалистическое возрождение СССР очищение его от хищной паразитической бюрократии. "К этому моменту надо готовиться путем упорной систематической революционной работы. Дело идет о судьбе страны о будущности народа, наших детей и внуков" [10. с. 161-162].

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К Энгельс Ф. Немецкая идеология//Соч 2-е та Т. 3.
2. Энгельс Ф. Анти-Дюоринг//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Соч. 2-е изд. Т.20
3. XII съезд РКП(б): Стенографический отчет. М., 1968.
4. XV конф. ВКП б): Стенографический отчет. М.,1927.
5. Троцкий Л.Д. Что такое СССР и куда он идет? Париж: Слово, 1988.
6. Троцкий Л. Д. Стalinская школа фальсификаций //ВИ 1989. №8
7. Троцкий Л. Д. Новый курс. М.: Красная новь, 1924
8. Троцкий Л. Д. Моя жизнь. Т. II. Берлин. 1930
9. Коммунистическая оппозиция в СССР. Т. 4. Нью-Йорк, 1988.
10. Троцкий Л. Письмо советским рабочим. Вас обманывают! (1940 г.)/Лев Троцкий. Дневники и письма. Нью-Йорк: Эрмитаж, 1986.